

предоставить эту должность Лепиду, Антонию и Цезарю (отметим, что наиболее жестокие решения триумvirата будут подписываться именно в этой последовательности); после этого назначить на ближайшие пять лет ежегодно сменявшихся городских магистров; в подчинение Марка Антония отходили галльские провинции, за исключением Нарбонской Галлии, которая вместе с Испаниями отдавалась Лепиду, Октавиан получал Африку, Сардинию, Сицилию и другие острова; решение о распределении восточных провинций было отложено – войну с Брутом и Кассием будут вести Октавиан и Марк Антоний, тогда как Лепид, став консулом 42 года, должен был оставаться для ведения дел в Риме и управлять своими провинциями через наместников; три легиона Лепид должен был передать в распоряжение Октавиана, а четыре – Марку Антонию; в качестве награды войскам для выведения поселений был утвержден список из 18 богатых городов в плодородных областях Италии, в том числе Капуя, Регий, Венузия, Беневент, Нуцерия, Аримин, Гиппоний; был утвержден проскрипционный список⁷¹³.

От имени всех троих принятые решения, за исключением лишь проскрипционных списков, войску зачитал Октавиан. Солдаты, особенно услышав о предстоящих земельных раздачах, радостно запели военный марш, поздравляя друг друга с заключенным миром⁷¹⁴. Обступив Октавиана, легионеры с энтузиазмом потребовали от него скрепить новую дружбу браком, взяв в жены Клодию, несовершеннолетнюю падчерицу Марка Антония, дочь его жены, Фульвии, от брака с Публием Клодием. Ни Октавиан, ни Марк Антоний не возразили требованиям своих солдат⁷¹⁵. На этом приятном решении войска получили приказ готовиться к переходу Рубикона. В Рим немедленно был отправлен список из 12 влиятельных римлян, которых необходимо устранить еще до прибытия армии⁷¹⁶. Когда объединенное войско вступило в пределы Италии, одни из пятнадцати легионов получали приказ оставаться в городах на пути следования, другие – отправляться в областные центры и важные портовые города и лишь три из них двигались на Рим... спустя полтора года твердой неспешной поступью римских легионов грозное эхо убийства Цезаря начинало прокатываться неудержимым, пожирающим своих жертв и наводящим ужас, кровавым Молохом.

В самом Риме в это же время распространялись зловещие слухи. Одни говорили, что слышали, как городские собаки разом завыли как волки, что видели, как на форуме бегали волки, что статуи богов покрывались кровавым потом, другие – что слышали громкие крики мужчин, бряцание оружия, топот скачущих коней, хотя никого не было видно, слышали, как вол издавал человеческие звуки. Говорили о зловещих знаках вокруг солнца, о прошедшем каменном дожде. Реагируя на все эти заверения, сенат вызвал из Этрурии наиболее авторитетных гаруспиков и прорицателей. Аппиан пишет, что старейший из толкователей, выслушав свидетельства о знамениях, провозгласил, что «ста-

⁷¹³ App. IV. 2, 3.

⁷¹⁴ App. IV. 3.

⁷¹⁵ Dio. XLVI. 56; Oros. VI. 18. 8; Plut. Ant. 20; Suet. Aug. 62; Vell. II. 65. 2.

⁷¹⁶ App. IV. 4, 6.

ринная власть возвратится вновь и что все, кроме него, станут рабами», после чего прикрыл себе рот и, задержав дыхание, тут же скончался⁷¹⁷.

Из списка, доставленного ночью в Рим, удалось сразу убить лишь четверых. Пока искали остальных восьмерых, город охватило внезапное смятение – разыскиваемые и другие, кто опасался за свою участь, посреди ночи с криками выбежали на улицу, призывая римлян на помощь. Центральные улицы быстро заполнились взволнованными горожанами. Несколько людей с факелами заперлись в каком-то общественном здании, угрожая совершить что-либо ужасное, прежде чем погибнуть. Консул Педий, срочно обходя город с глашатаями, призывал всех спокойно дожидаться наступления дня, когда будут оглашены точные сведения. Рано утром Педий, вопреки инструкции, опубликовал список двенадцати лиц, «единственно оказавшихся виновными во внутренних бедствиях и потому осужденных на смерть» и официально заверил, что остальным ничего не угрожает. Той же ночью сам консул Педий внезапно скончался⁷¹⁸, очевидно, не выдержав осознания масштаба предстоящего ужаса.

Спустя несколько дней войска подошли к Риму. 25 ноября Октавиан с преторианской когортой и одним легионом вошел через главные ворота в город. Части пугающе молча вступали в Рим при полном вооружении, нарушая тишину замершего в тревожном ожидании города ритмичным пошаркиванием обычного шага и естественным легким лязгом амуниции, мечей и копий. Никаких объяснений или объявлений Октавиан не давал. На следующий день в город вошли преторианская когорта и легион, ведомые Марком Антонием, который, напомним, последний раз до этого посетил Рим без двух дней год назад. Солдаты небольшими отрядами рассредоточивались по заранее выбранным удобным местам. 27 ноября со своей преторианской когортой и легионом в Рим вошел Лепид. Сразу же на окруженном войсками форуме было созвано народное собрание. Народный трибун Публий Титтий внес законопроект об учреждении сроком на пять лет триумvirата в составе Эмилия Лепида, Марка Антония и Октавиана с фактически неограниченными полномочиями: издание законов, установление и сбор налогов, назначение магистратов и сенаторов, верховный суд без права апелляции на его решения. Октавиан сложил с себя консульское звание, которое на остающуюся часть года принял претор Публий Вентидий. Утвержденный народом без обсуждения закон вступил в силу немедленно⁷¹⁹.

Конец Республики

Вечером народный трибун Сальвий, тот самый, который 1 января 43 г. наложил вето на голосование сената об объявлении Марка Антония врагом государства, словно зная о предстоящем, пригласил своих близких на застолье. В разгар пиршества внезапно двери распахнулись и в дом во главе с центурионом ворвались легионеры. Гости в смятении и страхе вскочили со своих мест. Центурион негромко, но твердо приказал им спокойно снова возлечь за столом. После этого, оглядев присутствующих и убедившись в их смиренности, он молча

⁷¹⁷ App. IV. 4.

⁷¹⁸ App. IV. 6.

⁷¹⁹ App. IV. 7; Dio. XLVII. 15; Vell. II. 65. 2.

подошел к Сальвию и, схватив за волосы, опрокинул его, насколько было необходимо, на стол. Последовал сильный секущий взмах меча и отрубленная голова народного трибуна гулко свалилась на стол, который стала быстро заливать брызнувшая струей кровь... Эдикт триумвиров, многочисленные копии которого той ночью были выставлены во многих местах Рима, а гонцы во весь опор спешили доставить в города и села Италии, гласил: «Марк Лепид, Марк Антоний и Октавий Цезарь, избранные для устройства и приведения в порядок государства, постановляют следующее: если бы негодные люди, несмотря на оказанное им по их просьбе сострадание, не оказались вероломными и не стали врагами, а потом и заговорщиками против своих благодетелей, не убили Гая Цезаря, который, победив их оружием, пощадил по своей сострадательности и, сделав своими друзьями, осыпал всех почетными должностями и подарками, и мы не вынуждены были бы поступить столь сурово с теми, кто оскорбил нас и объявил врагами государства. Ныне же, усматривая из их заговоров против нас и из судьбы, постигшей Гая Цезаря, что низость их не может быть укрощена гуманностью, мы предпочитаем опередить врагов, чем самим погибнуть. Да не сочтет кто-либо этого акта несправедливым, жестоким или чрезмерным; пусть он примет во внимание, что испытал Гай Цезарь и мы сами. Ведь они умертвили Цезаря, бывшего императором, верховным понтификом, покорившего и сокрушившего наиболее страшные для римлян народы, первого из людей, проникшего за Геркулесовы столпы в недоступное дотоле море и открывшего для римлян неведомую землю, умертвили среди священного места во время заседания сената, на глазах у богов, нанеся ему 23 раны; это те самые люди, которые, будучи захвачены им по праву войны, были пощажены им, а некоторые даже назначены в завещании наследниками его состояния. Остальные же вместо того, чтобы наказать их за такое преступление, поставили запятнанных кровью на должности и отправили управлять провинциями. Пользуясь этим, они расхитили государственные деньги, а теперь собирают на эти средства армию против нас, требуют других войск еще от варваров, постоянных врагов римского могущества. Из городов, подчиненных римскому народу, одни, ввиду оказанного ими неповиновения, они предали огню, сравняли с землей или разрушили, другие же города, терроризованные ими, они восстанавливают против отечества и против нас.

Некоторых из них мы уже казнили, остальные, вы скоро это увидите, понесут, с помощью божества, кару. Но хотя важнейшие дела в Испании, Галлии и в Италии уже выполнены нами или находятся на пути к разрешению, все-таки еще остается одно дело – поход против находящихся по ту сторону моря убийц Цезаря. Если мы хотим вести эту внешнюю войну для вашего блага, то нам кажется, ни вы, ни мы не будем в безопасности, оставив в тылу прочих врагов, которые нападут во время нашего отсутствия и будут выжидать удобного случая при всех превратностях войны. С другой стороны, лучше не медлить с ними в таком спешном деле, но уничтожить их всех немедленно, коль скоро они начали против нас войну еще тогда, когда постановили считать нас и наши войска врагами.

И они готовы были погубить столько тысяч граждан вместе с нами, не зирая ни на возмездие богов, ни на ненависть людей. Никаких страданий на-

родные массы не испытают от нас, и мы не станем выделять в качестве врагов всех тех, кто разошелся с нами или злоумышлял против нас, или кто выдается своим чрезмерным богатством, влиянием, и не в таком количестве пострадают они, в каком другой диктатор, бывший до нас, умертвил, он, который также восстанавливал государство среди гражданской войны и которого вы за его деяния назвали Счастливым; правда, неизбежно, чтобы у троих было врагов больше, чем у одного. Мы будем карать только самых закоренелых и самых виновных. И это столько же в ваших интересах, сколько лично в наших. Неизбежно, что во время нашей борьбы вы все, находясь между враждующими сторонами, будете сильно страдать. Необходимо далее, чтобы и армия, оскорбленная и раздраженная, объявленная нашими общими противниками вражескою, получила некоторое удовлетворение. И хотя мы могли приказать схватить тех, о которых это было решено, немедленно, мы предпочитаем предварительно опубликовать их список, чем захватить их врасплох. И это опять-таки в ваших интересах; чтобы не было возможности разъяренным солдатам неистовствовать по отношению к невиновным, но чтобы солдаты, имея в руках списки проверенных по числу и названных по именам лиц, воздерживались, согласно приказанию, от насилия по отношению ко всем остальным.

Итак, в добрый час. Никто не должен давать приют у себя, скрывать, отправлять в другое место или давать себя подкупать деньгами; всякого, кто будет изобличен в том, что он спас или оказал помощь, или только знал об этом, мы, не принимая во внимание никаких отговорок и просьб о прощении, включаем в проскрипционные списки. Головы убитых пусть приносят к нам за вознаграждение в 25 000 аттических драхм за каждую, если приносящий свободнорожденный, если же раб, то получит свободу, 10 000 аттических драхм и гражданские права своего господина. Те же награды назначаются и доносчикам. Никто из получающих награды не будет вноситься в наши записи, и имя его останется неизвестным»⁷²⁰. Все должны были предоставить свои помещения для обыска, а всякий не допустивший у себя обыска также подлежал проскрипции. Далее следовал список 130 римлян, приговоренных путем проскрипции к смерти... Еще раз приказав всем не поднимать шума и оставаться неподвижными, если они не желают разделить участь Сальвия, незваные гости удалились. До глубокой ночи оставшиеся участники прерванного пиршества, остолбенев от произошедшего, продолжали безмолвно возлежать рядом с трупом народного трибуна⁷²¹. Все дороги из Рима, городские ворота, гавани, пруды, болота и другие пригодные для бегства или убежища места были одновременно заняты войсками. Ранним утром 28 ноября центурионы получили приказ приступить к обыскам. Из числа внесенных в списки в первую очередь убивали занятых на магистерских должностях. Претор Минуций, до рассвета прибывший на форум, чтобы председательствовать в народном собрании, узнав о приближении солдат, стремглав бросился бежать со своего места. Переменив свою одежду, он вбежал в какую-то ремесленную мастерскую и отослал от себя рабов и ликторов, несших знаки его преторского

⁷²⁰ App. IV. 8-11.

⁷²¹ App. IV. 17.

достоинства. Однако те, из чувства долга и сострадания, остались при нем, чем, в результате, выдали его местоположение. Муниций был убит вторым из проскрипционного списка⁷²². Другой претор, Анналис, узнав, что его имя внесено в списки, успел бежать к одному из своих клиентов, жившему в предместье Рима в невзрачном домишке. Собственный сын привел к нему убийц, за что потом получил от триумвиров отцовское имущество и должность эдила⁷²³. Сенаторы Циллион и Деций, придя в сенат и узнав, что они значатся в проскрипционном списке, растерянно побежали к выходу, хотя никто их пока не преследовал, чем выдали себя – уже подходившие к сенату центурионы сразу же погнались за ними и, нагнав, убили... Стремительная, методичная, жестокая и беспощадная охота на республиканских активистов, уже давно деструктивным образом утративших чувство государственной реальности и ответственности, началась по всему Риму и по всей Италии – их убивали, хватая на улицах и площадях, в храмах, на рынках, убивали, врываясь в дома и усадьбы, убивали в пути, в полях, в лесах, на судах, убивали бегущими, прячущимися, переодетыми, лежащими в постели, убивали, несмотря на униженные мольбы о пощаде, проклятия, смирение, обезумевшие крики, деньги, сострадание, сопротивление, заступничество... Эмилий, не зная, что его имя в списке, подошел к схватившему кого-то центуриону и с любопытством поинтересовался, кто это осужден на смерть. Узнав его, центурион ответил: «Ты и он», и умертвил обоих. Цесенния, убежавшего от солдат с криками, что он не значится в списке, а убить его хотят из-за его денег, преследователи, схватив, подвели к проскрипционному списку, указав, велели прочесть собственное имя и тут же убили. Судья Ицилий, тот самый, который демонстративно подал единственный голос за оправдание заговорщиков, пристроившись в похоронную процессию между несущими покойника служащими, надеялся незаметно покинуть Рим. Стража у ворот, заметив, что покойника несут больше положенного людей, остановила процессию. Носильщики сразу же изобличили чужака в своих рядах. Ицилий был убит сразу же, как только была установлена его личность⁷²⁴. Приговоренный к проскрипции восьмидесятилетний самнит Стаций, удостоенный звания сенатора за выдающиеся заслуги в Союзнической войне, предоставил свой богатейший дом на разграбление народа и рабов, даже лично выбрасывая толпе вещи, после чего поджег его и сам погиб в огне, который перекинулся также на соседние здания. Капитон, яростно сражаясь с ломившимися в двери его дома убийцами, успел убить из их числа несколько человек, прежде сам был убит ворвавшейся массой солдат⁷²⁵. Саласс, увидев с крыши, что жена ведет в дом убийц, сам бросился вниз⁷²⁶. Лабиен, активный участник казней римлян во время сулланских проскрипций, теперь, будучи сам приговоренным, решил с достоинством принять такую же участь: выйдя за ворота дома, он сел на кресло в ожидании убийц⁷²⁷. Обезглавленные тела отца и сына Игнациев так и оставались обняв-

⁷²² App. IV. 17.

⁷²³ App. IV. 18. Впрочем, когда новоназначенный эдил как-то возвращался с попойки, те же самые солдаты, умертвившие его отца, из-за какой-то ссоры покончили и с ним.

⁷²⁴ App. IV. 27.

⁷²⁵ App. IV. 25.

⁷²⁶ App. IV. 24.

⁷²⁷ App. IV. 26.

шимися, так как, когда их схватили, они крепко сцепили в объятия друг друга и были убиты одним ударом⁷²⁸. Некоторые, слыша, что за ними идут, сами добровольно расставались с жизнью, вешаясь, бросаясь в воду, кидаясь с крыш или в огонь. Жена покончившего с собой Арунция, который с трудом смог уговорить отпиравшегося сына спастись одному, узнав, что при кораблекрушении погиб ее сын, извела себя голодом⁷²⁹. В одном проскрипционном списке с именем Цицерона, внесенного Марком Антонием первым, оказалось и имя бывшего наместника Сицилии Гая Верреса. Когда кто-то поинтересовался – а давно безвестно осевшего в Массилии старца-то за что? – Марк Антоний осек проявившего излишнее любопытство интересовавшегося, заявив, что тот, то бишь «отказался уступить ему вещи из коринфской меди»⁷³⁰. Через несколько дней был выставлен новый проскрипционный список с именами 150 римлян⁷³¹. В нем значились также имена аполитичных римских богачей⁷³². Особо отметим, что право на убийство подлежащих проскрипции римлян было дано исключительно центурионам, действовавшим во главе небольших отрядов отборных легионеров, и за каждым из которых закреплялась расправа над конкретными приговоренными⁷³³. В немалой степени это бы сделано с целью не допустить полной анархии, а также, на наш взгляд, чтобы сохранить жизнь тем, кто был внесен в списки лишь для отвода глаз, для прикрытия ангажированности списка действительно подлежавших казни, так как: «вопреки всякому ожиданию, [некоторые из подлежавших проскрипции избегнув смерти] достигли впоследствии государственных должностей в Риме, были командирами на войне, получали триумфы. До такой степени время это было полно всяких неожиданностей»⁷³⁴. Апулей и Арунций, их примеру последует вскоре и некто Вентидий, догадаются облачиться в одежду и доспехи центурионов, а своих рабов одеть солдатами и, таким образом, беспрепятственно пройти мимо стражников у городских ворот и покинуть Рим⁷³⁵... Головы проскрибированных должны были доставляться на форум, где выплачивалось вознаграждение, чтобы быть выставленными перед рострами. В то время как Рим накрыла волна кровавых убийств и насилия, Эмилий Лепид решил справить триумф над испанцами, назначенный ему сенатом еще в начале года. Всем мужчинами и женщинам было приказано «приносить жертву и праздновать настоящий день. Кто будет уличен в невыполнении настоящего приказания, будет считаться в числе проскрибированных»⁷³⁶. Горожане вынуждены были смиренно одеть свои праздничные

⁷²⁸ App. IV. 21.

⁷²⁹ App. IV. 21.

⁷³⁰ Plin. XXXIV. 6. Ср.: «Ставили ему [Октавиану] в вину и жадность к коринфским вазам и богатой утвари, и страсть к игре в кости. Так, во время проскрипций под его статуей появилась надпись: «Отец мой ростовщик, а сам я вазовщик», – ибо уверяли, что он занес некоторых людей в списки жертв, чтобы получить их коринфские вазы» (Suet. Aug. 70).

⁷³¹ App. IV. 7.

⁷³² App. IV. 10.

⁷³³ App. IV. 28.

⁷³⁴ App. IV. 15.

⁷³⁵ App. IV. 46. По пути к морю они по возможности «арестовывая» спасали проскрибированных и уводили их с собой. Один из них отплыл к Бруту, другой – к Сексту Помпею, причем «один вместе с Помпеем возвратился, другой, по поручению Брута, управлял Вифинией, а после смерти Брута передал провинцию Антонию и был возвращен на родину».

⁷³⁶ App. IV. 31.

одежды и, борясь с ненавистью в душе, принять участие в шествии, изображая веселье⁷³⁷. Тем временем, жена убитого в укрытии Лигария, следуя за несшими голову ее мужа солдатами, слезно умоляла: «Я его скрывала, а укрывателям установлено такое же наказание». Но ни солдаты, ни должностные лица не обращали на нее внимания – она покончила с собой, уморив себя голодом⁷³⁸. Убитый Септимий был внесен с проскрипционный список по наущению своей жены, состоявшей в связи с каким-то приятелем Марка Антония⁷³⁹. В эти же дни триумвиры предприняли попытку апробации взимания с римлян налога с наследства*. Было объявлено, что для предстоящей войны на востоке необходимо изыскать дополнительно 200 млн драхм. Под предлогом трудности продажи недвижимого имущества проскрибированных за реальную цену⁷⁴⁰, триумвиры утвердили список 1400 наиболее состоятельных римских женщин с тем, чтобы они представили оценку своего имущества и внесли на военные нужды назначенную соразмерную сумму⁷⁴¹, предположительно 5% от стоимости задекларированного имущества⁷⁴². Скрывшим что-либо из имущества или предоставившим недостоверные сведения были назначены наказания, а осведомителям, как свободным, так и рабам – награды⁷⁴³. Как видно, триумвиры не только не забывали о главной цели, стоявшей перед ними, но рассчитывали приблизиться к ней под прикрытием ужасов потока крови продолжавшихся проскрипций. В связи с этим римляне и римлянки также не забывали о доставшихся им от предков правах и решили, несмотря на утрату своих близких, бороться. Для начала овдовевшие знатные римские матроны с просьбой о защите обратились к родственницам триумвиров. Сестра Октавиана⁷⁴⁴ и мать Марка Антония сочувственно выслушали просительниц, тогда как Фульвия, жена Марка Антония, с оскорблениями прогнала их с порога своего дома. Тогда они отправились на форум, где заседали триумвиры. Протиснувшись сквозь расступившийся народ и стражу, они поднялись на трибуну и поручили Гортензии изложить их жалобу и требования: «Как и подобало таким женщинам как мы, нуждавшимся в вашей помощи, мы обратились к вашим женам. Но испытав, что совсем не подобало нам, от Фульвии, мы ее поступком вынуждены совместно явиться на форум. **Вы отняли уже у нас родителей, детей, мужей и братьев под тем предлогом, что вы были оскорблены ими. Если же вы еще отнимите у нас и средства к существованию, то поставите нас в тяжелое положение, недостойное нашего происхождения, образа жизни и природы женщины. Если вы считаете себя обиженными нами так же, как мужчинами, то подвергните нас, подобно им, проскрипции. Если же мы, женщины, никого из вас не объявляли врагом отечества, не разрушали домов, не подкупали войск, не приво-**

⁷³⁷ App. IV. 31.

⁷³⁸ App. IV. 23.

⁷³⁹ App. IV. 23.

* "в отношении имущества тех, кто остался в живых, тоже было принято много странных решений" (Dio. 47.14).

⁷⁴⁰ App. IV. 31.

⁷⁴¹ App. IV. 32.

⁷⁴² Dio. XLVII. 14.

⁷⁴³ App. IV. 32.

⁷⁴⁴ Мать Октавиана, возможно, под сильнейшим впечатлением от убийств и насилия, к которым был причастен ее сын, слегла от тяжелой болезни и была не в состоянии принять просительниц. Ср.: App. III. 91; Dio. XLVI. 44; XLVII. 17; Suet. Aug. 61.

дили армий против вас, не препятствовали вам достигнуть власти и почета, то почему мы должны подвергнуться карам, не будучи соучастницами во всем этом? К чему нам платить налоги, раз мы не участвовали ни в отправлении государственных должностей, ни в почестях, ни в предводительстве войсками, ни вообще в государственном управлении, из-за которого вы теперь спорите, доведя нас уже до столь больших бедствий? Вы скажете: потому, что теперь война. Но когда войны не было? И когда женщины платили налоги, женщины, которых сама природа освобождает от этого у всех народов? Наши матери, правда, всего один раз, вопреки нашему полу, собрали налог: это когда грозила опасность всему вашему господству и даже самому городу, когда нам угрожали карфагеняне. Но и тогда женщины вносили налог добровольно и притом не с земель, имений или домов, без чего не может существовать свободная гражданка, но только из своих собственных украшений, к тому же не подвергавшихся оценке, не под угрозой указчиков или доносчиков, не по принуждению или насилью, а вносили столько, сколько сами пожелали. И какой у вас сейчас страх за государственную власть или отечество? Когда наступит война с галлами или парфянами, и мы окажемся не хуже наших матерей в стремлении спасти отечество. Но для гражданской войны мы никогда не станем вносить вам денег или помогать вам в борьбе друг с другом. Мы не вносили налогов ни при Цезаре, ни при Помпее, ни Марий, ни Цинна не принуждали нас к этому, ни даже Сулла, тиран отечества. А вы еще говорите, что упорядочиваете государственный строй!»⁷⁴⁵ Внимательно и с удивлением (неужели женщины, в то время как мужчины сохраняли спокойствие, осмеливаются выступать в народном собрании, требовать отчета у магистратов в их действиях?) слушая Гортензию, Марк Антоний, Лепид и Октавиан, после того, как на приказание страже стащить женщин с трибуны поднялись возмутительные вопли и визжание, переглядываясь между собой, согласились, что применить силу – будет делу и себе дороже, остановили стражников и объявили, что откладывают на день рассмотрение вопроса. На следующий день триумвиры объявили о сокращении утвержденного ранее списка с 1400 до 400 матрон. Кроме того, мужчины, получившие наследство, стоимостью более чем в 100 тысяч сестерциев, а также иностранцы, вольноотпущенники и жрецы, владеющие аналогичным имуществом, должны были также задекларировать свою собственность и внести в казну 10%* ее стоимости, тогда как остальные римские граждане должны были заплатить для ведения войны 2% стоимости принадлежавшего им имущества плюс сумму их годового дохода⁷⁴⁶. Однако эти налоговые инициативы триумвирата, видимо, натолкнулись на еще большее недовольство даже у их сторонников среди народа, а также солдат, так как очень скоро «они заявили, что женам убитых они отдадут их приданое, а детям – мужского пола десятую часть, женского пола двадцатую часть имущества каждого»⁷⁴⁷. Судя по тому, что «не только это не было исполнено, за редким ис-

⁷⁴⁵ App. IV. 32-33.

* Ставка эта была в 2,5 раза ниже 25%-ного военного налога, введенного сенатом полугодом ранее.

⁷⁴⁶ App. IV. 34; Dio. XLVII. 14.

⁷⁴⁷ Dio. XLVII. 14.

ключением, но и все имущество прочих грабили самым наглым образом»⁷⁴⁸, столкнувшись с парадоксом, когда римляне были готовы смириться с полным лишением своего имущества, но не платить его часть в виде налога, триумвиры пошли на попятную, чтобы окончательно не дискредитировать сопровождавшимся кровопролитием римлян саму идею налога с наследства: следовало более осторожно и основательно подготовиться к введению нового для римлян налога. Центурионы, по-прежнему, продолжали расправу над внесенными в проскрипционные списки. Октавий Бальб сумел незаметно бежать из дома через потайную дверь и уже спасся бы, как сосед крикнул, что солдаты убили его сына. Бальб стремительно бросился обратно, чтобы обрадоваться, увидев сына невредимым, и быть убитым у него на глазах⁷⁴⁹. Фульвий, искавший спасения у своей бывшей рабыни–любовницы, ранее щедро облагодетельствованной им, был ею же и выдан солдатам⁷⁵⁰. Один из двух братьев Лигариев, в своем доме скрывавшихся под печкой, был убит рабами. Другому удалось бежать, однако, узнав о гибели брата, он бросился с моста в реку. Рыбаки вытащили его, но он снова порывался утопиться. Охранявшие мост солдаты, заметив возню на берегу, прибежали и отрубили ему голову⁷⁵¹. Назон, преданный своим вольноотпущенником, внезапно выхватив у одного из солдат меч, убил предателя, после чего отдался в распоряжение своих убийц⁷⁵². Луций, зять ставшего консулом Азиния Поллиона, уже отплывший на корабле в море, не выдержал бурную морскую качку, бросился в море⁷⁵³. Один раб, после пятидневных поисков, выловивший тело своего хозяина, сочтя его лицо все еще пригодным для опознания, отрубил ему голову ради получения 10 тысяч аттических драхм наградных и гражданских прав своего господина⁷⁵⁴. Когда один раб, отошедший к морю, чтобы нанять судно, вернувшись, увидел, что над его испускавшим дух хозяином склонились убийцы, он внезапно с криками напал и убил центуриона, после чего покончил с собой⁷⁵⁵. Луций же сам отправился к морю на поиски корабля для бегства, оставив золото своим верным вольноотпущенникам, однако, когда по возвращении обнаружил, что те бежали, отчаявшись, добровольно отдался убийцам⁷⁵⁶. Скрывавшийся за городом у своих преданных рабов Цестий, при виде приближавшегося центуриона, несшего связку голов казненных, велел разжечь погребальный огонь и объявить, что они хоронят своего хозяина. Как только центурион после недолгого разговора удалился, Цестий, не выдержав напряжения, бросился в огонь⁷⁵⁷. Апоний, не сумев свыкнуться с невзгодами своего безопасного убежища, сам отдался в руки убийц⁷⁵⁸. Другой подлежавший проскрипции ни от кого не скрывался, но так как никто не так и не заинте-

⁷⁴⁸ Dio. XLVII. 14.

⁷⁴⁹ Val. Max. V. 7.3.

⁷⁵⁰ App. IV. 24.

⁷⁵¹ App. IV. 22.

⁷⁵² App. IV. 26.

⁷⁵³ App. IV. 27.

⁷⁵⁴ App. IV. 22.

⁷⁵⁵ App. IV. 26.

⁷⁵⁶ App. IV. 26.

⁷⁵⁷ App. IV. 26.

⁷⁵⁸ App. IV. 26.

ресовался им, сам повесился⁷⁵⁹. Консуляра Вара обнаружившие в тростнике болота жители Минтурна приняли за бандита и хотели начать пытать, чтобы он выдал своих сообщников, но тот, не позволяя несовместимого с его достоинством обращения, гневно заявил: «Запрещаю вам, минтурнцы, меня, бывшего консула и – что для ныне властвующих важнее – проскрибированного, пытать и убивать. Ибо если уже мне нельзя избежать смерти, то лучше погибнуть от руки равных мне по достоинству». Минтурнцы с недоверием и опасливо отнеслись к словам Вара, не зная, на что решиться, пока совершавший в это время обход центурион не узнал его и не отрубил ему голову⁷⁶⁰. Только бегство или... заступничество Октавиана⁷⁶¹ могло спасти внесенного в списки от расправы. Лишь Ветулину удалось собрать вокруг Регия крупный отряд из числа подлежащих проскрипции римлян. К нему также стекались недовольные жители 18 италийских городов, которые триумвиры выбрали для заселения ветеранов. С этими силами Ветулин расправлялся с попадавшимися в окрестностях небольшими карательными отрядами центурионов, которые разыскивали проскрибированных. Когда против него были высланы войска, он предпочел для продолжения борьбы переправиться на Сицилию к Сексту Помпею⁷⁶². Цицерон с братом и племянником находился в Тускульской усадьбе, когда им сообщили, что оба они объявлены вне закона. Немедленно, налегке, они выехали по направлению к Астурской усадьбе оратора, чтобы уже оттуда отплыть к Марку Бруту в Македонию. Поняв, что имеющихся средств недостаточно для дороги, Квинт решил со своим сыном вернуться за деньгами и потом догнать оратора. Горько рыдая, Цицерон, обнявшись на прощание, продолжил путь. Спустя несколько дней собственные же рабы выдали брата и племянника Цицерона убийцам. Квинт Цицерон просил убить его раньше сына, тогда как последний умолял о противоположном. Центурион сказал, что уладит их спор. Разделившись, солдаты по одному знаку убили их одновременно⁷⁶³. Оратор, тем временем, добравшись до Астур, сразу же отплыл. Судно шло под попутным ветром вдоль берега. Однако, очень скоро, не выдержав качки, Цицерон сошел на берег. Надеясь на расположение Октавиана, которому он был полезен, он направился в Рим. Преодолев сто стадиев дороги, он снова передумал и вновь вернулся в Астуру. Ночь он провел в тяжких размышлениях («Ему являлась даже мысль тайно пробраться в дом к Цезарю, убить себя у очага и тем воздвигнуть на хозяина духа мщения, но страх перед муками заставил его отвергнуть и этот план») и безысходной тоске, не находя себе места. На следующий день он принял решение отплыть и укрыться в своем имении у Кайеты. 7 декабря 43 г., сойдя на берег, Цицерон поднялся в свою усадьбу и лег отдохнуть. Между тем центурион Геренний и военный трибун Попий (в свое время оратор удачно защитил его от обвинения в отцеубийстве) с небольшим отрядом преследователей были уже близко, расспрашивая местных о его местоположении. Рабы тут же, нарушив покой своего уставшего хозяина, заставили его лечь в носилки и понесли его к

⁷⁵⁹ App. IV. 26.

⁷⁶⁰ App. IV. 28.

⁷⁶¹ Dio. XLVII. 14. 7, 8.

⁷⁶² App. IV. 25.

⁷⁶³ App. IV. 20; Plut. Cic. 47.

морю⁷⁶⁴. Поэтому, когда каратели ворвались в усадьбу, Цицерона уже не было там. Все находившиеся в доме отпирались, заверяя, что знать ничего не знают о местонахождении Цицерона. Солдаты так и ушли бы ни с чем, если бы юный Филолог, вольноотпущенник Квинта Цицерона, получавший воспитание и образование у оратора, не шепнул Попилию, что носилки понесли через лес к морю. Преследователи разделились на две группы. Одна, во главе с военным трибуном поспешила в обход, к выходу из рощи, а Геренний бегом повел нескольких солдат по тропинке в лес. Когда впереди показались преследуемые, центурион, опасаясь более многочисленного отряда оратора, прибегнул к уловке, крикнув: «Центурионы, находящиеся в тылу, идите за мной сюда!». Цицерон приказал своим рабам остановиться и опустить носилки на землю. Подперев по своему обыкновению подбородок левой рукой он, грязный, давно не стриженный, с иссушенным мучительной заботой лицом, в упор посмотрел на направлявшегося к нему палача. Большинство присутствовавших отвернулись либо зажмурили глаза. Когда Геренний подошел к носилкам, Цицерон сам вытянул шею ему на встречу. Лишь с третьего удара центуриону удалось отрубить Цицерону голову, после чего, согласно имевшемуся указанию Марка Антония, он отрубил также руки оратора, которыми тот писал знаменитые Филиппики⁷⁶⁵, чтобы срочно доставить все это в Рим. Марк Антоний проводил на форуме выборы должностных лиц, когда сказали, что Цицерон убит и указали на прибывшего центуриона, который издали показывал голову и руку, потрясая ею в воздухе. Триумвир чрезвычайно обрадовался увиденному и с облегчением воскликнул: «Теперь казням конец!»⁷⁶⁶ Центуриону награда была выплачена в десятикратном размере. Забрав к себе домой, Марк Антоний ставил голову убитого на обеденный стол и самыми оскорбительными и унижительными словами подолгу то изливал на нее все, что накопилось у него, да, наверное, и не только у него, в душе по отношению к Цицерону, то глядел на нее счастливый и долго хохотал от радости безумным смехом – им все-таки удалось эффективно использовать оратора. Спустя несколько дней, насытившись этим отвратительным зрелищем, триумвир велел выставить голову Цицерона на форуме. Однако перед этим Фульвия, жена Марка Антония и вдова Публия Клодия, другого смертельного врага Цицерона, взяв голову в руки, начала громкими криками всячески глумиться ядовитыми оскорблениями и оплевывать ее, после чего, положив на колени, раскрыла ей рот и извлекла язык оратора, который принялась яростно колоть своими шпильками для волос, сопровождая это действие руганью. Голова и рука знаменитого оратора, который «выступая свидетелем, погубил больше народу, чем спас в качестве защитника»⁷⁶⁷, а сохранившиеся тексты речей, переписки и трактатов которого дали исключительную возможность взглянуть в подоплеку событий, приведших к падению римской республики, были выставлены на всеобщее обозрение на той же трибуне у ростр на форуме, с которой он произносил свои знаменитые речи⁷⁶⁸. Сразу после расправы над Ци-

⁷⁶⁴ App. IV. 20; Plut. Cic. 47.

⁷⁶⁵ App. IV. 19, 20; Plut. Cic. 47, 48.

⁷⁶⁶ App. IV. 20; Plut. Cic. 48.

⁷⁶⁷ Plut. Cic. 26.

⁷⁶⁸ App. IV. 20; Dio. XLVII. 8; Flor. II. 16. 6. 5; Liv. Per. 120; Plut. Ant. 20; Cic. 48.

цероном волна проскрипционных убийств резко пошла на убыль и вскоре совсем сошла на нет: «кровью трибуна проскрипции начались, кровью Цицерона, поскольку Антоний как бы насытился, почти завершились»⁷⁶⁹.

Многие из тех, кому удалось спастись от проскрипций бегством, направлялись на восток – к Марку Бруту и Гаю Кассию: «Но любовь сената к Бруту и Кассию, опасение за них довели сенат до того, что он не побоялся даже дурной молвы: так дороги всем они стали. Также и наиболее благородные из изгнанников ценили их более, чем Секста Помпея, хотя они и находились дальше и охвачены были непримиримой враждой, Помпей же, напротив, был ближе, под рукою, и никакая непоправимая вина над ним не тяготела»⁷⁷⁰. Между тем, Марк Брут... отвел основные силы своего «внушительного и мощного» войска подалее от побережья Ионического моря, вглубь Македонии, под предлогом опасения, что его солдаты под влиянием поступавших подробностей о происходящем в Италии перейдут на сторону триумвиров⁷⁷¹. Когда стало известно о смерти Цицерона, Марк Брут с гневной печалью на лице сказал приближенным, что «сильнее, чем скорбь и сострадание, его сокрушает стыд при мысли о причинах этой смерти, и вину за все случившееся возлагал на друзей в Риме. Они сами, больше, чем тираны, виновны в том, что влачат рабскую долю, восклицал Брут, если терпеливо смотрят на то, о чем и слышать-то непереносимо!»⁷⁷² Марк Антоний отправил в Македонию специальный отряд для вызволения своего брата из плена, однако Гай Антоний был убит Гортензием прежде, чем присланные смогли что-либо предпринять. Источники сообщают, что содержащийся в плену брат Марка Антония был убит по приказу Марка Брута в отместку за смерть Брута Альбина и Цицерона⁷⁷³, однако, Дион Кассий допускает, что убийство произошло без такой санкции⁷⁷⁴. Вскоре Марк Брут, покинув со своей армией Македонию, переправился в Азию⁷⁷⁵.

По окончании продолжавшихся около двух недель проскрипций, в ходе которых, по разным данным, было убито от 130 до 300 сенаторов⁷⁷⁶ и около 2 тысяч представителей всаднического сословия⁷⁷⁷, Эмилий Лепид извинился перед сенатом за произошедшее и выразил надежду, что с наказаниями покончено и отныне наступит время милосердия⁷⁷⁸. Выступивший после него Октавиан, заявил, однако, что «он хоть и прекращает проскрипции, но оставляет за собой полную свободу действий!»⁷⁷⁹

⁷⁶⁹ Vell. II. 64. 4.

⁷⁷⁰ App. IV. 132.

⁷⁷¹ Dio. XLVII. 24.

⁷⁷² Plut. Brut. 28.

⁷⁷³ Liv. Per. 121; Plut. Ant. 22; Brut. 28.

⁷⁷⁴ Dio. XLVII. 24. Позже, «Подойдя к телу [покончившего собой Марка] Брута, [Марк] Антоний сперва поставил мертвому в укор смерть своего брата Гая – Брут казнил его в Македонии, мстя за гибель Цицерона, – но затем сказал, что в убийстве брата винит скорее Гортензия, чем Брута, и распорядился зарезать Гортензия на могиле Гая, а Брута прикрыл своим пурпурным плащом, который стоил огромных денег, и велел одному из своих вольноотпущенников позаботиться о его погребении» (Plut. Ant. 22).

⁷⁷⁵ Plut. Brut. 28.

⁷⁷⁶ 130 сенаторов, по данным Тита Ливия (Liv. Per. 120), 132, по Орозию (Oros. VI. 18. 10), 140, по Флору (Flor. II. 16. 6. 3) и 300 у Аппиана (App. IV. 20).

⁷⁷⁷ App. IV. 5. См. также: Liv. Per. 120; Oros. VI. 18. 12.

⁷⁷⁸ Suet. Aug. 27.

⁷⁷⁹ Suet. Aug. 27.